

Цинь Цзыши с презрением сплюнул, закатил глаза и проворчал:

— А ещё тот! С первого взгляда видно, что он вовсе не создан для войны — такой утончённый и книжный, я держу пари, он даже меч в руках удержать не сможет.

Мэн Юньбао, прищурившись с улыбкой, похлопал Цинь Цзыши по плечу и произнёс назидательным тоном:

— Как насчёт того, чтобы генерал Цинь забрал этих ребят себе и как следует их поучил да вышколил? По крайней мере, чтобы они не шли на поле боя как на верную смерть. Чего-нибудь да научатся, хотя бы тому, как выживать и цепляться за жизнь, разве плохо?

— Проваливай.

Цинь Цзыши с раздражением сбросил его руку со своего плеча и бросил на него крайне недовольный, искоса брошенный взгляд:

— Вечно ты норовишь подсунуть мне всякую сбродную шантрапу! Мой отряд из-за тебя скоро превратится в филиал вашего тренировочного лагеря! О, вернее, негодные у меня дохнут пачками, а как заходит речь о толковых бойцах, так вы налетаете и отбираете их быстрее всех. Что вы за люди такие? Бессовестные до крайности!

Не сдержав гнева, Цинь Цзыши добавил:

— Моё подразделение скоро станет самой известной смертельной ловушкой во всей армии!

Стоило Цинь Цзыши вспомнить прошлое, как в нём закипала ярость. Он принялся загибать пальцы, с возмущением перечисляя их грешки.

Мэн Юньбао вовсе не сердился. Он по-прежнему скалился в нагловатой улыбке, прищулив узкие глаза так, что их почти не было видно за искривленным в ухмылке ртом:

— Ну что вы, генерал Цинь, нельзя же так говорить. У каждого свои устремления, разве нет?

Услышав это, Цинь Цзыши рассмеялся от злости. Он резко вскочил на ноги, посмотрел на Мэн Юньбао и холодно бросил:

— Какое же славное устремление.

С этими словами он взмахнул рукавом и зашагал прочь, не оглядываясь.

Мэн Юньбао с выражением глубочайшего несокрушимого стоицизма развёл руками перед остальными генералами и со снисходительной улыбкой покачал головой:

— Ну посмотрите, только посмотрите на вспыльчивый характер генерала Циня! Я и сказать-то ничего толком не успел, а он уже убежал.

На ходу поворачиваясь, он крикнул вслед удаляющейся спине Цинь Цзыши:

— Генерал Цинь! Ты уходишь, а новобранцев-то выбирать кто будет?!

Цинь Цзыши, не оборачиваясь, взревел со злости:

— Не буду я никого выбирать!

Услышав это, Мэн Юньбяо снова развёл руками, хитро и хмыкаяще улыбнулся генералам:

— Что ж, тогда мы не станем церемониться. Сначала выберем себе лучших, а всё, что останется, достанется генералу Циню.

Цинь Цзыши горько пожалел о том, что убежал так быстро. Из-за этих насмешливых реплик он упустил прекрасную возможность набрать хороших новобранцев. Банда бессовестных негодяев! Сказано — сделано, не оставили ему ни единого приличного бойца, сплошные кривобокие да косые, на которых и смотреть-то тошно.

Хотя один парень пришёлся ему по душе, вот только выглядел он слишком юным — такого и в строй поставить стыдно, срам один.

Лицо Цинь Цзыши вытянулось и помрачнело, его смуглая, иссушенная кожа сравнялась цветом с днищем котла, а суровые брови сошлись на переносице. Он хищным, пронзительным взглядом буравил стоявших перед ним новобранцев, которые от страха даже боялись поднять головы.

Его так и подмывало скрежетать зубами от злости. Прижав ладонь ко лбу, он был готов ворваться в главный шатёр и как следует избить этих мерзавцев. До чего же бессовестные! Вовсю набирали людей, пока его не было рядом.

ТЬфу, бесстыдники.

Чжао Шисань испуганно застыл в строю, не смея даже шевельнуться. Генерал Цинь за его спиной ощущался грозной, несокрушимой горой, и от этого жгучего взгляда новобранцу казалось, что он разучился нормально дышать.

Но чем сильнее он нервничал, тем сильнее ему хотелось пошевелиться.

Его глаза беспокойно забегали туда-сюда: то он искоса глянет на Ди Ло слева, то бросит взгляд на затылок впереди стоящего Линь Аньшаня — ни на секунду не мог усидеть на месте.

Из-за этого распределения по отрядам Чжао Шисань и Ди Ло оказались в одном подразделении, перебравшись из прежних бараков на четырнадцать человек в просторный Правый лагерь, рассчитанный всего на десятерых.

Прежние товарищи по временным казармам оказались разбросаны в разные стороны. К своему удивлению, в один отряд с ним попали лишь Цянь У, Ди Ло да этот Линь Аньшань, а куда раскидали остальных — было неизвестно. Впрочем, одно можно сказать наверняка: здоровяк Ван Чжэн с его бугрящимися мышцами с самого начала шёл в армию за карьерой. Во время первого же армейского смотра он блеснул всеми гранями таланта, и его лично отобрал генерал из Центральной армии.

Остальных товарищей распределили либо в Правый лагерь, либо в Левый.

Правда, в Левый лагерь попало совсем немного людей: туда старались направлять земляков, чтобы бойцам было проще держаться вместе, но большинство всё же угодило в Правый лагерь.

Вдобавок тех из них, кого сочли никуда не годными заморышами, именитые генералы с боевыми заслугами даже не удостоили взглядом, и в итоге всю эту братию скинули под начало легендарного генерала-смертника.

Попасть в отряд генерала Циня означало сделать один из двух выборов.

Либо завернуться в конскую шкуру, отправившись на поле боя в полный рост, и быть отправленным домой по частям.

Либо покрыть себя неувядаемой славой и взлететь в небеса.

Какой из двух путей тяжелее, а какой легче — было очевидно с первого взгляда.

Громкое имя генерала Циня гремело на всю армию. И дело было даже не в том, насколько высок уровень смертности в его тренировочном лагере, напоминающем мясорубку, — сама его жизнь была окутана ореолом легенд.

Цинь Цзыши шёл уже тридцать седьмой год, и в армии он провёл по меньшей мере два десятка лет. Каких только войн он не повидал, через какие кошмары ни прошёл! Пусть внешне он выглядел интеллигентным человеком с утончённым лицом и худощавой фигурой, напоминавшей книжника, начитанного в конфуцианских трактатах.

Но кто бы мог подумать, что его руки обладают чудовищной силой, а скрытые под одеждой мышцы просто источают взрывную мощь — классический пример бойца, который в одежде строен и подтянут, а без одежды являет собой сплошные бугры мышц.

Когда-то Цинь Цзыши точно так же выбирался из горы мертвецов, и сосчитать все его шрамы, большие и маленькие, по всему телу было невозможно. Каждая отметина служила медалью за доблесть, доказывая, что нынешнего положения он добился исключительно собственными силами и потом.

Выходец из бедной крестьянской семьи, он сызмальства сражался на полях сражений, прорубил себе кровавый путь сквозь лезвия мечей и дослужился до чина командира пятого ранга, чем сполна прославил свой род.

Заметив краем глаза, что Цинь Цзыши зашёл ему за спину, Чжао Шисань стремглав повернул голову и зашипел на Ди Ло:

— Псс-псс!

Но стоило ему заметить, как Ди Ло лениво покосился на него исподлобья, даже не повернув головы, и тут же отвёл взгляд обратно, как до Чжао Шисаня запоздало дошло: он ведь всё ещё дуется на Ди Ло, они так и не помирились, а он ведь поклялся себе больше никогда с ней не разговаривать.

И надо же было такому случиться: из-за бурной радости по поводу зачисления в отряд генерала Циня он начисто выбросил это из головы! Последствием этого жгучего желания с кем-нибудь пообщаться стало то, что... какая уж тут обида, он даже забыл, из-за чего злился, стало просто до неловкости стыдно.

Чжао Шисань яростно замигал, закатил глаза и решил пойти ва-банк: плевать на неловкость! Если ему самому не стыдно, значит, стыдно должно быть другим.

Неловкости нет, никакой неловкости. Кто смутился — тот и трус.

— Твоё имя ведь Чжао Шисань, верно? — раздался за спиной зловещий голос Цинь Цзыши.

Чжао Шисань от испуга втянул голову в плечи, виновато обернулся, натянул на лицо улыбку и кивнул:

— Так точно, генерал, ваш подчинённый Чжао Шисань!

— Чжао Шисань, чем это ты тут занимаешься?!

Цинь Цзыши обошёл его кругом, остановился прямо перед новобранцем и сурово уставился на то, как тот корчит рожи. Приподняв брови и не говоря больше ни слова, он указал пальцем на далёкое плацу:

— Марш туда! Тридцать кругов. Не хватит хотя бы одного — останешься без ужина.

Тр... тридцать кругов?!

Одеревеневшим телом Чжао Шисань посмотрел на исполинский круг армейского плаца, чувствуя, что готов с досады сгрызть собственные зубы. Если он пробежит эти тридцать кругов, от него останется ровно половина.

— Ген...

Чжао Шисань только попытался открыть рот и взмолиться о пощаде, как кто-то отвесил ему увесистый пинок под зад.

— Чего развёл болтовню? Велел генерал — беги давай, язык без костей!

Споткнувшись и сделав пару шагов вперёд, Чжао Шисань оглянулся и увидел хочжана своего отряда — Ю Лиго. Спорить он больше не смел. Понутив голову, с унылым видом смертника, отправляющегося на плаху, он зашагал прочь и побежал по широкому кругу к видневшемуся вдали плацу.

Цинь Цзыши с загадочным видом проводил взглядом Чжао Шисаня, который безропотно начал наматывать круги, затем окинул взглядом оставшуюся в строю тысячу с лишним новобранцев и бросил короткий взгляд на Ю Лиго, только что пнувшего Чжао Шисаня. Не произнеся ни звука, он отвернулся.

Младшие командиры отрядов вздрогнули всем телом. Мгновенно уловив суть начальственного приказа, они взмахнули руками и рявкнули:

— Один провинился — отвечают все! Бегом марш! Тридцать кругов, пока не пробежите — обедать не сядете!

Больше тысячи новобранцев вмиг подобрались. С нескрываемой ненавистью глядя на Чжао Шисаня, они понуро, с опущенными головами потрусили следом.

Что ж, указания вышестоящего руководства поняли отлично, этот материал вполне годился для обучения.

Довольный Цинь Цзыши с удовлетворённой улыбкой кивнул, развернулся и неторопливо зашагал прочь.

Доносившиеся из-за спины звуки тяжелого дыхания и выкрикивания подбадривающих кричалок постепенно затихли. Цинь Цзыши невольно задрал голову к ярко-синему небу и медленно выпустил из груди застоявшийся воздух.

Люди ведь не из камня сделаны, и он прекрасно понимал, что тридцать кругов по такому гигантскому плацу могут легко довести новобранцев до рвоты.

Но что поделать?

Они выглядели донельзя хилыми и слабыми, а война тем временем стояла на пороге. Цзиньцян вела себя всё более нагло, провокации на границе становились открытыми и бесцеремонными. К тому же эти варвары вырезали целый город! Как проглотить такую обиду и стерпеть подобное?!

Полномасштабная война разразится рано или поздно, это лишь вопрос времени. А раз он носит звание генерала, то несёт ответственность не только за тактический план, но и за каждого из своих людей: живыми вывел — живыми обязан вернуть. Он не был бездушным зверем. Каждый раз, когда он слышал, как другие называют их лагерь «лагерем смертельных испытаний», на душе у него становилось тяжело. Люди называли его генералом, но он не мог вернуть их живыми и невредимыми — его грызла совесть.

Разве у каждого из них нет матери и отца?

Разве дома ни у кого нет стариков и детей?!

Всё, что он мог сделать — это тренировать их выносливость. Снова и снова проводить тренировки, чтобы в отведенное время максимально поднять их физическую форму. Лучше всего — не умея побеждать в драке, иметь хотя бы силы, чтобы убежать.

К тому же, чтобы убивать, тоже нужны силы.

Эх!

— Чжао Шисань, ты что сейчас натворил? Генерал Цинь прямо взглядом на тебе сфокусировался, даже имя твое запомнил!

Товарищи, которых заставили бегать из-за Чжао Шисаня, были ужасно недовольны. Если бы не надзирающие со стороны, они бы с радостью набросились на Чжао Шисаня толпой и избili за то, что он вечно вертелся, словно в его теле завелись черви.

— Точно, Чжао Шисань, ты обязан перед нами объясниться.

— Если не сможешь нас убедить, готовься получить тумаков.

Чжао Шисань: «.....»

Чжао Шисань тяжело и бессильно вздохнул, с бледным, донельзя унылым лицом уставившись прямо перед собой.

Да что он мог сказать? Разве что то, что этот прием генерала Циня был поистине высок и коварен — он успешно навлек на него огромную волну ненависти, гарантируя, что впредь его жизнь станет сплошной полосой испытаний.

Как ей не стать сплошной полосой испытаний? Только подумайте: генерал Цинь — чиновник

пятого раунда, тысячник, в чьем прямом подчинении находятся два помощника тысячника и десять сотенных отрядов общей численностью в тысячу сто двадцать человек.

Далее, в подчинении каждого сотенного отряда находятся два знамени по пятьдесят шесть человек, то есть всего сто двенадцать бойцов. Знамени подчиняются пять отрядов по десять человек, итого пятьдесят. Малый отряд состоит из десяти человек.

И вся эта огромная масса людей подчиняется одному лишь Цинь Цзыши.

Один человек командует тысячей с лишним бойцов. И из-за его слов эта тысяча людей грозит устроить ему сладкую жизнь — разве у него могло быть хорошее лицо?!

Неужели он и впрямь тот одаренный человек, что превозмог наследный титул и пробился наверх исключительно за счет собственной силы? Слишком крут.

Лицо Чжао Шисаня позеленело.

К тому моменту, когда тысяча с лишним человек отбегали тридцать кругов, уже давно стемнело. Вернувшись в казармы, все чувствовали ломоту в пояснице и боль в суставах, им не хотелось даже есть, не говоря уже о том, чтобы окружить Чжао Шисаня и избить толпой.

Кое-как приведя себя в порядок, они попадали на кровати и сразу провалились в сон.

Ди Ло чувствовала себя относительно сносно. По сравнению с тем, как она убивалась на тренировках раньше, этот уровень был ненамного хуже, просто нагрузка чуть-чуть возросла, но она всё еще держалась.

Лёжа на кане под раскатистый храп Ли Аньшаня, она перевернулась лицом к стене, широко открыла глаза и неожиданно почувствовала легкую бессонницу.

В голове крутились приемы, показанные во время недавних армейских состязаний теми, кто попал в верхние строчки списков. С ними определенно не могли сравниться такие благородные девицы, запертые в тылу, как она.

Те, кто занимал высокие места в рейтинге, с малых лет занимались боевыми искусствами или же обучались у знаменитых наставников.

Взять хотя бы Ван Чжэна: выглядел тихоней, а владел боевыми искусствами далеко не рядовыми — даже сидевшие на трибунах генералы одобрительно кивали. Если она хотела занять место в рейтинге на следующих состязаниях, ей нужно было поскорее найти известного наставника для обучения.

Вот только тело ее уже сформировалось, сможет ли она вообще начать заниматься боевыми искусствами?

Наверное, придется тяжело.

Стоит помнить, что перерождение костей после того, как они уже окончательно окрепли — это адская боль.

Но как бы ни было трудно, она изо всех сил постарается выстоять.

Ради своих трагически погибших родных она обязательно продолжит борьбу.

При этих мыслях Ди Ло невольно перевернулась, и как раз в этот момент Ли Аньшань тоже повернулся к ней.

Морщась и кривясь от боли: он бы и дальше сладко спал, но всё тело так невыносимо ломило, что эта боль его и разбудила.

Он с тяжелым вздохом открыл глаза и нос к носу столкнулся с Ди Ло, которая с распахнутыми огромными глазами упорно таращилась прямо на него. В темной казарме царил полумрак, не проникало ни единого лунного луча, и внезапно встретиться с кем-то взглядом, когда этот человек еще и смотрит на тебя с леденящим выражением лица — Ли Аньшань испугался до дрожи в коленках. В тот момент он даже боялся дышать, чуть не схлопотав остановку сердца.

Затем, под его остолбеневшим от ужаса взглядом, Ди Ло с бесстрастным выражением лица медленно закрыла глаза и отвернулась обратно.

Ли Аньшань: «.....»

Ли Аньшань долго приходил в себя от пережитого испуга. Вытаращив глаза от страха, он осторожно оперся на локоть, приподнялся и покосился на Ди Ло, которая с закрытыми глазами ровно дышала. И только тогда его бешено колотившееся сердце понемногу вернулось на место, а сам он не удержался от бормотания: «И почему Чжао Шисань не говорил, что эта Ди Ло страдает лунатизмом? Это же до жути страшно». Ещё как страшно. Кто угодно, если посреди ночи обернется и увидит, как кто-то в упор пялится на него, — если не умрёт от разрыва сердца, то точно заработает какое-нибудь расстройство.

Неудивительно, неудивительно, что Чжао Шисань не захотел оставаться с Ди Ло в одной казарме.

Ли Аньшань, решив, что во всём разобрался, завалился обратно под одеяло и поёжился от внезапного озноба. Чем больше он думал об этом, тем больше всё сходилось: наверняка всё дело в том, что Ди Ло по ночам страдает лунатизмом. Забредёт куда-нибудь спросонок, а рано утром глаза продерёт — а у неё кто-то в обнимку лежит! Такое кого угодно с ума сведёт.

Иначе с чего бы им, если верить слухам, прийти вместе и быть такими дружными, вдруг рассориться?

Может, ему тоже подумать о том, чтобы с кем-нибудь поменяться местами?

Вот только беда — стоило выбрать казарму, как её уже нельзя было просто так взять и сменить. Эх-х, судя по всему, впредь ему придётся быть куда осторожнее.

Поразмыслив над этим, Ли Аньшань почувствовал, как накатывает сонливость, зевнул и снова провалился в сон.

Как только до его слуха донеслось ровное дыхание Ли Аньшаня, Ди Ло, всё это время лежавшая отвернувшись, резко открыла глаза и легонько похлопала себя по груди:

— Ужас какой, чуть со страху не умерла.

Завтра же нужно придумать способ поскорее уmolить Ди Цзю, узнать, не согласится ли он обучить её какому-нибудь боевому искусству. По крайней мере, на поле боя это поможет сохранить жизнь.

На следующее утро Ли Аньшань услышал барабанный бой, возвещающий о подъёме, и сонный открыл глаза. По привычке скосив взгляд на постель Ди Ло, он никого там не обнаружил. Окинув взглядом помещение, он понял, что в казарме её тоже нет, и тут же окончательно проснулся.

А Ди Ло-то давным-давно встала и ушла на тренировку, ушла бог знает сколько времени назад. Ее постель была сложена идеально ровно и уже давно остыла, а все те ночные фантазии о том, как она прикатится к нему в объятия, судя по всему, были чистой воды выдумкой.

После перехода в регулярную армию тренировки стали гораздо строже и упорядоченнее.

С утра пораньше — обязательная пробежка в пять кругов, затем завтрак. После завтрака — целый час строевой подготовки, четверть часа отдыха, а затем тактические построения: генерал отдаёт приказы сверху, а они слушают их внизу.

И так до самого полудня — после обеда следовал небольшой сон, а во второй половине дня наступало почти свободное время. Упражнения или отработка навыков верховой езды по приказу начальства — всё зависело исключительно от тебя самого.

Провозившись всю первую половину дня, Ди Ло наскоро перекусила, сначала отправилась в конюшню, чтобы почистить шерсть своему Сяобаю и укрепить с ним связь, а затем, попутно расспрашивая дорогу, направилась в сторону Центральной армии. Едва оказавшись в Центральной армии, стоило ей расспросить первого попавшегося сослуживца, как выяснилось: имя Ди Цзю гремело на всю Центральную армию. Его там знали абсолютно все, до единого человека. Нашёлся даже доброволец, который вызвался быть её проводником и лично проводил к Ди Цзю.

По дороге молодой солдат, указывавший ей путь, сторал от любопытства и расспрашивал, как это она умудрилась связаться с таким армейским деспотом.

Ди Ло склонила голову и бросила на него косой взгляд: обычно это прозвище не сулило ничего хорошего.

В её родных краях тоже водился свой местный царек. Семья у него была богатая, а родная старшая сестра вышла замуж за сына какого-то чиновника высокого ранга при дворе. Опираясь на влиятельных родственников, этот малолетний тиран бесчинствовал в деревне. Крупных злодеяний за ним вроде бы не водилось, зато мелких пакостей и гадостей набралось бы на целый воз.

Он даже сватов засылал в её дом, добиваясь её руки, чтобы сделать своей главной женой. И стоило бы ей выйти за него, как она сразу стала бы законной матерью его детям.

Почему сразу матерью? Да потому что этот развратник пустился во все тяжкие едва ли не в день своего совершеннолетия: у него уже было с полдюжины наложниц и служанок для постели, а отпрысков — целых трое. Стоило переступить порог его дома, как тут же становишься мачехой. Хотя положение торговцев невелико, и если кто-то положил на неё глаз, это считалось бы для неё большой удачей и возвышением, она всё равно оставалась любимой дочуркой своего отца. Её отец был категорически против её замужества. Пусть они и были

купцами, но их семья была богата, очень богата. Её бабушке вовсе не нужно было, чтобы она карабкалась на высокие ветки и терпела там унижения.

Однако Ди Ло не заметила в глазах сослуживца ни малейшего недовольства или скрытого терпения после притеснений. Напротив, узнав о её родственной связи с Ди Цзю, он был готов едва ли не услужливо взвалить её себе на спину и носить на руках, проявляя такую невообразимую теплоту.

Из-за этого Ди Ло даже на какое-то время подумала, уж не больной ли этот парень?!

Он провожал Ди Ло до самого плаца, где как раз тренировался Ди Цзю, пока наконец смущенно не поскрёб в затылке. Указав на себя, он горячо произвел:

— Тебя ведь зовут Ди Ло, верно? Вы с Ди Цзю из одного рода? Меня зовут Нань Ци. Не мог бы ты замолвить за меня словечко перед ним? Ди Цзю — невероятно крутой человек, я очень восхищаюсь им и надеюсь при случае померяться с ним силами в спарринге.

Ди Ло ошеломленно кивнула, а мужчина по имени Нань Ци простодушно усмехнулся, почесал затылок и смущенно удалился.

Глядя на то, как Нань Ци, отойдя уже довольно далеко, продолжает оборачиваться и махать ей на прощание, Ди Ло моргнула, а затем внезапно, с запозданием, улыбнулась.

<http://bllate.org/book/20963/2127244>